

ЭРОТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Че-то я смотрю, у зебры хвост какой-то лысоватый. Средний вообще хвост, я не ожидала. У лошади, там как – лошадь например кончается, и дальше кисть начинается вольная, длинная, по ветру летает красиво. А у зебры нет. У нее веревка такая сзади висит, толстоватая в хорошем смысле, а потом щетка небольшая, и все. У жирафы тоже ерунда какая-то. А у козы вообще хвосточек ничтожный, коза переживала наверное первое время. Его и не разглядишь – где коза, а где хвост. Утки вот тоже, я заметила – когда летят, то и дело рот разевают. Ну зачем это? Проветривают? Или крикнуть на все с высоты? Откуда такая высокомерность? Нехорошо. А про осетра в другой раз поговорим. Не до осетров теперь.

Дальше будет нецензурное, предупреждаю. Это обнаружилось как. Послала я свою Америку, с приветом, в одно место. Журнальчик один, для женщин.

А редакторша мне, строго так:

– Наркотики сейчас убрать немедленно!

– Ой, – говорю. – Батюшки. Куда ж я их дену-то? Нет уж, вы, тетя, как хотите, а я без этого не могу.

Ну, она подумала немного и согласилась.

– Чего там, – говорит, – действительно все это шуточки такие наркотические, а пропаганды особо сильной нету. Так что ладно уж, можно публиковать. Но вот чего совсем непечатное – так это хохлы. Прямо видеть этих хохлов не могу, сотри ты их в мусор. Потому что, – говорит, – меня пол-Украины читает, а там к хохлам самое непредвзятое отношение. И о еврейском вопросе тоже подумай.

Ага. Хорошо, что индейцы чероки ее не читают. Так и скальпа недолго лишиться, через литературный процесс. А о евреях я как раз подумала – один раз они у меня хорошо упоминаются, а другой раз плохо – в каком направлении редактируем?

Эта женская мадам говорит – евреев всех заменить на мужчин, а вместо хохлов – пустое место. В крайнем случае пиши – украинец.

Ага, пишу. У енота морда круглая как у украинца. А глаза смышленные...

Теперь займемся евреями. Доктор был мужчина, и звали его Дик. А морда у него была круглая, как ***. Мда... Прямо эротический какой-то альманах получается.

В общем то, что дальше будет, я даже в одно место не решилась послать: не пропустят! Там опять про наркотики, потом национальный тоже вопрос, и все это в эротическом смысле, с хохлами.

* * *

Вот с антисемитизма и начнем. Одни люди взяли мелкие ценности и уехали в Америку. А крупное имущество на родине спрятали, на балконе. Ковры там всякие, крупу тоже разную, сахару килограммов семьдесят и несколько утюгов. И Ба-клажан все это понял. И он тайно ходил гадить на еврейские припасы целый год. А сам делал вид, что гуляет. А я делала вид, что не в курсе.

А потом к нам на балкон приехала служба спасения и в какашки эти всей бригадой вляпалась. Это через соседа все получилось. Он потому что до белочки наконец-то допился, завалил дверь в свою квартиру крупной мебелью и полез к нам через балкон, но застрял. И там свисал трагически, между землей и небом, а снизу люди стояли и смотрели внимательно. Не бойтесь, у нас третий этаж всего. И спасатели его спасли героически и втащили в конце концов в нашу хату.

Тут этот белочкин сразу протрезвел, приосанился и говорит:

– Я вас наглядно предупредить хотел, что к вам на балкон легко пробраться. Берегитесь воров!

А ночью приснилось мне, что мы с мистером Коробком поехали в Москву и поселились в моей коммуналке. Лампочки 25 ватт, тихие склоки, супом пахнет, очередь в туалет – жизнь бьет ключом, как всегда. А хохлушка меня возле кухни перехватывает и говорит ядовитым голосом:

– А Паша-то твой в тюрьме сидит, ты что ж, не знала? Ему 6 месяцев дали, за то, что он был твоим мужем.

Вчера ездили по грибы, чуть на оленя не наехали. Олень дурак полный, штаны меховые, цвет крем-брюле, рога – вообще обалдеть. Ума только нет. В кусты побежал, когда догадался.

С утра пошла в музей Ван Гога онлайн культурно обогатиться, и что? Сорок раз тыкала в ихнюю ссылку, а мне там все приятную музыку играли в классическом смысле, и приглашали куда-то по-иностранному. Знать бы, куда. Магазин попался, с сувенирами, потом еще чего-то открылось, где спросили интимным шрифтом мою емелю, и не поставить ли мне кой-чего по-фламандски.

Потом мистер Коробок пришел, он тоже Ван Гога любит, и Шопен спросонья так задумчиво вставлял. К тому же Коробок в музее этом был, и мы сразу с ним отделились европейским воспоминаниям. Так что утро прошло у нас очень культурно, даже несмотря что ссылка музейная так и не открылась. Мне понравилось сильно. Вот же в Европе хорошо жить. Надо бы и нам когда-то попробовать.

А вот еще случай был. Два украинца раз пошли себе на медведя. Медведь жил предположительно в Северной Калифорнии, а у хохлов было с собой боевое оружие, несколько бутербродов, попить и вера в победу. А только медведь им в тот раз не попался, а попалось зато американское правосудие. На чужой проперти потому что медведя ловили. И тем самым простые наши приезжие тоже смогли воспользоваться ихней судебной системой.

Америкашки конечно суетились потом, подлизывались, даже сговор предлагали: сдать, например, ихние калаши в доход государству, а прокурорские им обвинения скинут. А только не таковы наши люди, чтоб идти на сделку с совестью. Откупиться захотели? Шалишь! Хай платят теперь за своих медведей. И за переводчиков платят, и за адвокатов. Зря мы что ли сюда ехали.

А вообще, Катерина, хочу тебе откровенно сказать - у меня уже второй раз за двадцать четыре часа карта мира со стены падает. Это к чему нам указывает? Это знамение дает нам знать к дальней дороге, в которую надо бы сделать котлеты и другие припасы. Едем рано утром на весь день в пустыню, так я не напишу, ты учти это, Агабабовна, почта в порядке, это меня в ней нет.

В общем, понесло меня, Свирид Свиридович, совершенно не в ту сторону, в какую я поначалу предполагала. Я предполагала длинное написать письмо о природе страха, с краткими, полными достоинства ябедами на отдельных общих знакомых и ненавязчивыми примерами из личного мужества. А получилось вон чего. Это через котлеты у меня, и немного еще – от сырников. Я ведь еще и о сырниках подумываю, всему в голове у меня место найдется.

Кланяйтесь от нас Амбару Кумбабаевичу (заодно и Сашуле), Фюфеевым, и всему вашему хазарскому каганату. Да снеси от меня хорошую косточку Ивану Никифоровичу, он любит. Надо бы и нам когда-нибудь вот так вот собраться попросту, да и послушать Первый концерт Чайковского.

Гусеницу встретила на днях. Шуба у ней двухцветная, роскошная – черная с рыжим, плюс подшерсток. Просто тигр какой-то. В магазин она шла, по тротуару. Я ее начала на газон пересаживать, а она в клубочек свернулась и трясется вся внутри шубы своей, разозлилась. Ну, положила я эту пигалицу полосатую под куст, очень надо! В такой шубе на осень здешнюю нормально, а вот зимой не знаю как будет.

А вот насчет правосудия еще. У нас унитаз один раз забился, и вся коммуналка на двор бегала, 18 человек в январе месяце, дружно. Кропотливое расследование показало, что на новый год кто-то цинично засадил в унитаз красную звезду, и она там встала поперек продуктов жизнедеятельности, золотого дождя и праздничной ваты. И перекрыла циркуляцию нафиг совсем.

Звезду потом носили по комнатам с расспросами – не ваша ли будет звездочка? Причем все молчали как пингвины, хотя елки были у всех. И тогда бывшая большевичка и ветеран войны Марь-Санна лукаво усмехнулась и предъявила обществу бычки. Они там среди ваты тоже засели. Бычки были с фильтром! Чего не ошибочно нам указало – звезду засадил мой первый бывший муж – интеллигент, патологоанатом и тайный подлец. Только он в туалете Яву курил, вся коммуна знала. А простые люди без фильтра курили, в баночку. Ну и все.

Мурочка, вообрази, православным священнослужителям труссы запрещены! Тебе как журналисту сообщаю, может понадобится. Информация проверенная: мистер Коробок в семинарии учился. Под рясу юбка положена белая, а Коробок вместо нее тайно труссы носил, богохульник. Слава богу, в епархии не узнали. Хотя его все равно потом выгнали. Он потому что доказал богословским способом, что температура в аду ниже, чем в раю. А там этого не любят.

Лучше я теперь про Евгения Онегина расскажу, фильм такой американский. Может кому пригодится, культурный тонус поддержать. Короче, Ларины там все живут в неслабом дворце с колоннадами, а наружу дворец глядит мелкими слепенькими окошками, как в курятнике. Из чего ясно, что режиссер вдумчиво подошел к предмету и не менее месяца торчал на чужой даче, осваиваясь с загадочной русской натурой. На балу все душевно танцуют под «Тихо в лесу, только не спит барсук».

Античный дворец вплотную окружен буреломом, по которому сестры Ларины в тяжелую минуту носятся, как лоси, перескакивая через метровые стволы: там почему-то все деревья попадали нафиг, а дороги отсутствуют.

Дуэль происходит на пирсе, который на полкилометра заезжает в середину какого-то озера, причем ширина пирса где-то метр, а крутом густой туман. Ленский с Онегиным продолжительно тусуют взад-вперед, мелькая в тумане, потом наконец расходятся совсем и тогда уж неясно, как стрелять-то, пуля ж не пролетит столько.

А на берегу сосновый бор шумит, и слышно, как Татьяна с Ольгой взволнованно ломаются сквозь лесоповал. Но они, конечно, к событиям не успевают, и только слышат выстрел приглушенно-трагический, и сразу легкий бульк – и туман, туман. Капец Ленскому.

Ну, потом там Петербург, то-се, Онегин все понял, мрачный весь, зима, он сидит в уличном кафе за столиком, а мимо на коньках дворяне проезжают. И перспектива вдаль уходит – Невский в метели, и по нему конькобежцы, конькобежцы, обязательно парами, а Онегин один, и всех презирает.

И на столике мраморном тоже поземка метет, и рюмка с водкой, граненая, на ножке. Ее в перспективе показывают, как она там одиноко стоит, а потом камера наезжает, и видно уже Невский сквозь нее, а рюмка оказывается размером с хороший стакан, и тут Онегин ее – хлобысь! И опять на перспективу смотрит, сквозь грани.

Ой, батюшки, я ж беременная опять, даже в поликлинике это уже признали, рады страшно. Легкость в мыслях необыкновенная, смешно и все время спать хочется. Постоянно все забываю. Быстрее всего забываю, куда делись деньги, а мистер Коробок неделю назад кошелек потерял, до сих пор смеемся. Вот опять – чуть не забыла важное. Я научилась плавать под водой! А? Под водой плавать я научилась неожиданно, когда челюсть у меня вставная пропала.

Посреди бассейна я пропажу как раз обнаружила, и начала взволнованно нырять, как треска на нересте, там и сям. И бог бы с ними, с зубами, но мне ж эту прелесть на родине делали, это ж ведь какая память об отечестве! В общем, дно я все обползала внимательно, а челюсть потом дома нашлась, я ее в ванной забыла.

Баклажан у меня заболел. Кормлю его теперь искусственно, и на капельницу в госпиталь ездим. А только все это бестолку, потому что болезнь он себе выбрал неизлечимую. Он так ничего себе пока, рычит немножко, мурлыкает, когти точит. Мы стараемся не печалиться. Потому что сейчас он еще здесь, и сегодня еще не кончилось.

А тут поссум к нам приходил, ночью. Встала я Баклажаньча кормить, а он на веранде сидит, белкино печенье трескает. Сам белый, хвост лысый, рукава черные, а ладошки трогательного розового цвета. И конец у него двойной, хотя это секретное знание. Я свет на веранде включила, а он с таким недоумением на меня посмотрел и продолжал кушать. Ужасно медленно ел. Потом сел на задние лапы и стал ладошки друг о друга тереть и лицо умывать – от носа к ушам, очень тщательно. Назвали поссума Иван Ивановичем.

Мистера Коробка вчера на заработки в суд не пустили, потому что я штаны его выбросила. И пиджак выбросила, и галстук тоже. Летом еще доставила себе это

маленькое удовольствие. Он в них как пионер Петров в пещере директора выглядел. Позор окончательный. Откуда ж мне знать, что в суд без штанов не пускают? Клашу опять на капельницу отвезли, он все слабеет, бедный. Денег туда летит не мерено, а чего делать-то. И унитаз еще вдобавок сломался.

Нету больше нашего котика, усыпили мы его в четверг. Он ночью накануне к нам приходил, спал с нами, и гулять мы ходили на улицу, все вместе. А утром отвезли мы его в госпиталь, но капельница больше не помогла. Нервная система отключаться стала, и доктор сказала, что лучше бы усыпить. Он уже совсем в тумане был. Но когда она стала вводить барбитуру эту смертельную, очнулся вдруг, и мякнул мне, возмущенным и жалостным голосом.

Доктор немножко заплакала, и медсестры тоже заплакали, а потом одна медсестра сказала ему речь – что он был классный кот, много путешествовал и вот теперь у него будет новое путешествие. Они его положили в коробочку. Потом мы поехали в аптеку за лопатой. Было уже темно и наступил вечер, но в аптеке лопаты допоздна.

И мы его закопали возле старой крепости, под большой елкой, возле взлетного поля. И камушек я ему туда положила, который из Москвы привезла. Теперь над ним самолеты все время летят, на посадку идут.

Денег за тот день в госпитале не взяли. Он был мой самый лучший друг.

А ночью пришел Иван Иванович, чего-то все вдоль веранды ходил, вздыхал себе, но не кушал, хотя печенье там ему лежало. Зверь этот древний очень, забывает все постоянно, да и видит плохо – вот и промахивает мимо еды. А чего он там ест сейчас, на воле. Червяков каких-нибудь несвежих.

Клашину еду я насыпала на веранду тоже, у него хороший корм, дорогой, вот я и насыпала, может, кто захочет. Иван Иванович так и не решился, а кот какой-то приходил, чавкал там, ночью.

Вообще хочется чего-нибудь жизнеутверждающего миру сказать. А с другой стороны чего тут скажешь. Собачишка какая-то забегала, совершенно ничтожная. Тяф, тяф! И что? Воробьи бестолковые. Яйцо вчера уронили, растяпы. А поссум бедный доплетется до веранды, банан подберет – и в кусты, запинаясь. Размножение у них сейчас. От бананов потенция вроде укрепляется, а мозги – не очень.

Где-то бродит теперь мой небесный кот.

На той неделе опять была в госпитале. Ну там все как повелось – кровотечение -капельница-наркотики, и люди все знакомые, так что отлично время провели, просто отлично. Американский морфий очень полезный!

Встретила кстати прошлогодного индейца с его анестезией, а доктор в этот раз был Морской Кот по фамилии SeaCat, роскошный дядя под два метра, на бандита несколько похож, и специалист прекрасный.

Хотя поначалу-то меня доктор Хенли принимал, отличник такой, вихрастый. Он мне сразу, как познакомились, морфию прописал, сколько не жалко.

– Ну чего, – говорит, – цепляет?

Я говорю – нну, как вам сказать... Ну цепляет конечно... Но не держит. Нет, не держит совсем.

Ну я потому что подумала – когда его еще распробуешь, морфий-то импортный. Его тем более экономят всегда. На всех же не хватает. Сколько там народу-то работает, в госпитале. Плюс еще посетители. Не напасешься.

А рыжий вдруг говорит – та чего там, счас еще пропишу.

Встряпали мне тут еще дозу и говорят – домой теперь ехай, поздно уже. А утром, говорят, возвращайся, будем другие наркотики пробовать, с Морским Котом.

Ну, поехали. Главное, сама думаю про Кота этого утреннего, а в голове, чувствую, завелись большие такие зайцы, и уши у них белые винтом, а музей-то закрыт, прям как назло, сейчас бы еще живописи...

Все выходные я от этого морфия голову проветривала. Кодеин, прогулки, переписка. Мысли различные.

В общем, как сказала одна дама, у которой обнаружился рак, выпали все волосы и сгорел дом, пока она ходила гулять собачку, – похоже, господь имеет себе какие-то планы насчет меня. И по крайней мере, у меня пока есть зубы.

Приснился мне литературный конкурс на днях, а главный приз на нем – пороенок подросткового возраста. Длинный такой, как коляска детская. Смотрю на него, а он щетинистый весь и довольно-таки грязный. Нет, думаю, нельзя мне на конкурс, а то еще выиграешь свинью эту литературную, и куда с ней потом?

Мне вон пишут теперь с мест – гляди мол, америка-то ихняя – не стала твоему коту матерью. Да и сама ты, пишут, еле ноги таскаешь. А ведь и правда, Егоровна, как живем мы тут, как живем! Это же никакими словами не расскажешь. Одна бездуховность кругом. А ханжество это ихнее? Улыбаются себе, хоть тресни, а у самих озабоченность в бюджете и виагра по рецептам.

Про здравоохранение и вообще молчу. Заграничные иностранцы, они просто от природы очень здоровенные, поэтому ихней медицине никак население извести не удастся. К тому же наши люди по доброте своей неизбывной местный врачебный ресурс на себя оттягивают, как могут. Вот америкашки за наш счет и колосятся.

А только кто-то ведь должен лечь на амбразуру, еще Островский нам это указывал. Мы может себя в жертву тут принесли, за прогрессивное человечество. Помните нас, люди. Потом про нас может книги напишут. И снимут кино. А мы посмотрим на все это сверху и подумаем: тьфу ты.

Семья Тряпкиных. Честно.

Профессор Беклемишев был большой экспериментатор. Больше всего он экспериментировал с зародышами. С будущими рыбками и лягушками. Он их разделял пополам ниткой, когда они еще маленькие, а потом наблюдал, как сиротки с трудом приращивают утраченные части. Хихикал, наверное. Ручки потирал. Сопел.

Когда Беклемишев совершенно распоясался, он затеял пересаживать глаз на хвост. А хвост – на глаз. И достоверно выяснил, что если пересадить взрослый глаз на молодой хвост, то хвост тоже становится глазом. А молодой глаз, пересаженный на взрослый хвост, становится хвостом.

Если же молодой глаз пересадить на молодой хвост...

А вот тут Беклемишев все бросил и стал заниматься философией.

Вот еще о барсуке на всякий случай, может понадобится. Просто недавно задумалась – а что барсук?

Барсук уединенно живет в Европе, разнообразно копаясь в четырех направлениях и достигая при этом до 93 сантиметров с хвостом. Хвосточек у барсука незначительный. Беременность протекает латентно. После того, как барсуки встречаются интимно в октябре, беременность усиливается.

Иной барсук и сам не поймет, как это вышло, а только месяца через три-четыре заводятся вдруг щенки. Новорожденные, по Дебнеру, имеют в длину 15, а с хвостом 17,4 см. Щенки много едят, чавкают и мусорят в норе. Что делать? Барсук задумывается. Он ждет, хотя сам огорчен. Наконец щенки разбегаются.

Барсук рад. Весело тащит в нору червяка, лезет в гнездо до птенчиков. Будут припасы зимой! А тут лиса. У лисы 48 зубов, а жить негде. Сама копать не умеет. Зато лиса любит припасы и хорошую нору. Барсук хлопочет. Роет лисе отдельный вход. Лиса лучше щенков, хотя много суетится. Под настроение иной барсук может съесть зайчика. Осенью барсуки кушают буковые желуди и краденую свеклу. У них белые ушки. Все.

А у нас тут весна началась и сливы уже цветут, и крокусы, и новый рыжий белка с рваным хвостом каждый день ходит, а ночью кто-то тайно ест шоколад на веранде.

Об Австрии у него самые прекрасные остались воспоминания: мистер Коробок туда из социалистической Чехословакии переплыл, в январе, ночью. На чешской стороне были погранцы вдоль берега и рейды с прожектором, а по Дунаю ходили баржи, но он переплыл, он плаванием занимался.

А австрийский берег даже и не охранялся совсем, так что Коробок там вынырнул, обсушился и подался до Швейцарии, но по дороге заплутал и попал случайно в Лихтенштейн. То есть просто в парке одном заснул себе тихо на лавочке, а под утро уже его полис разбудил:

– Лихтенштейн, говорят, мистер, здрасьги. На лавочках спать нельзя!

Лихтенштейн кстати тоже очень приличное государство оказался, и тюрьма там прекрасная, а люди какие! Мистеру Коробку кучу еды дали, и одежды, и денег прямо в камеру принесли – про него потому что в газете написали, что пойман, мол, советский бродяга – притворяется культурным, разговаривает на немецком и ест вилок. Людям же интересно.

А вот на болоте тоже, мы на болоте были, там цесарка живет, это большой такой дикий индюк, кажется. Ну, может, не полностью индюк, но летать неспособный, крупный очень и на голове лысый. И вот мы едем тихо-тихо, и дождь идет. И индюк выходит на дорогу: тишина. Кремнистый путь блестит. А потом заходит обратно под куст, и тут мы подъезжаем уже вплотную, а они там вдвоем с зайчиком сидят, и дождик шелестит. Смирный такой зайчик, сидит возле индюшиного своего брата, жует чего-то. Мы там минут десять простояли, они так все тихо тусовались рядом. Дружат, что ли..

Мне снилась делегация русских учителей в столовой в Париже, и особенно среди них толстая и нежная директор Чижова, которая трепетным голосом читала стихи свои. У нее на широкой педагогической груди была табличка: директор школы.

Покусывая учительский шоколад, я хамским голосом говорила сентиментальной Чижовой, что давно уж в парижках живу, а стихи только зрительно воспринимать могу, но глаз у меня верный. Так что пусть тексты дает, может, чего посоветую.

А та все топталась чего-то, все потела, все сомневалась...

А со столов уж убирали и пора было учителям на родину ехать. И какая-то парочка самых легкомысленных учителей упорхала в дверь, восклицая:

– Ах, этот воздух Парижа! Будем гулять! Когда еще придется! Ах!

А я шоколад себе дожевываю и думаю – а ну как всплывет, что я в парижке-то не была, пойти что ль тоже пройтись...

Сова вообще на кота похожа, простая болотная сова. У нее внимательные уши и широкое поприще. Во время нашей памятной встречи она себе летела и несла мышь. Мышь тихо свисала. Потом сова села, взяла мышь в зубы, сосредоточилась – и сделала неслабую лужу. Ну ни фига себе. Вот так вот их теперь в лесу воспитывают. Потом сова переложила мышь в лапу, покрутила еще ухами и удалилась с большим достоинством. И это притом что им вообще днем летать не положено. И о чем же случившееся нам говорит? А пес его знает. Правильные выводы пусть каждый себе сделает сам.

Ну почему же сразу аферист это плохо. Аферист это поэтическое такое состояние души, это немногим вообще дано. Это когда человек старается сделать, как положено, а у него не получается. Вот мистер Коробок один раз казарму поджег. Потому что исполнительный очень, службист! Немецкая косточка.

Ему это сержант вообще приказал:

– Чтоб, к утру, говорит, казарма горела! И укрепил приказанное костромским словом.

Мистер Коробок всю ночь мастику размазывал, в дырочки ее запихивал. Так что под утро загорелось сразу дружно со всех сторон. Заполыхало. А знамя он спрятал.

– Я, говорит, знамя только командиру отдам. Это говорит, военная тайна. Согласно устава.

Его потом комиссиям разным подвергали, насчет вменяемости. Потом долго выясняли, кто же все-таки командир у него... А он скромно так отвечал, но честно:

– Все вы тут мои командиры.

И неприятно пахло трибуналом. Причем для всех. Так что для сохранения военной тайны решили записать, что кукушка у него после Афгана съехала. Три года штрафбата, мины, то-се... И запретили поэтому сложные задачи поручать. Чтоб он их еще не усложнил. В карауле нельзя стоять, картошку чистить, полы ни в коем случае не натирать, бетономешалки сторониться, лебедки избегать, еще там чего-то...

Другой бы решил что это аферизм какой-то беспримерный. А это просто само так получается.

Третий день уже кота ловлю рыжего, тут один потерялся, так за него сто баков обещают. На всех заборах это дело наклеено, с портретами кота и горестными словами. И мне прямо ужас как хочется паршивца этого схватить, только он все не попадается.

А попадаетея все время Колбаса (приходящая наша общественная кошка, смиренная такая, воробушков любит). Потом зайчик еще попался, ну и белок свора, как обычно. Хотя белки не считаются.

И я вот чего думаю – ну ладно Колбаса. Она вообще не того цвета, пол другой, да и годы у ней, конечно. Так что за нее может и не дадут все сто. Но ведь можно и поторговаться, а? Девяносто два, допустим. Ну, пусть даже семидесятник.

Или на худой конец пусть берут зайца. Он потому что по цвету с ихним котом полностью совпадает, такой вот аномальный заяц, мечта животновода!

Смотришь на это объявление каждый день, а в глазах так и прыгает – сто бакс, сто бакс, сто бакс. Кыс-кыс-кыс... Валерьянки надо, вот чего.

А мы тут ферму нашли брошенную, на острове, и там амбар, которому лет сто, и мы по нем весь день лазили!

А на втором этаже, туда лестница такая узкая ведет, крутая и немножко сломанная, там на втором этаже хранилась солома, которая тихо ссыпалась вниз по деревянным желобам, а внизу телята всякие жили, и кони, и даже, возможно, ламы, тут еще лам разводят иные люди.

И наверху теперь огромное свободное пространство под высокой кровлей, как зал церковный, пустой и гулкий, и пол золотой соломой усыпан. А в середине в золотой пыли лежат таинственные какашки! Неизвестно чьи.

Кропотливое исследование показало, что состоят они из цельных, поспешно заглотанных мышей. Причем для птиц какашки слишком большие, а для зверей лестница слишком узкая. К тому же из зверей тут в основном олени да зайцы. Ну белки еще. И мы весь день над этой загадкой бились. Неужели волчок?!

А рядом с амбаром столетний тоже дом бывших владельцев, деревянный, с верандами, и обросший весь бородой из ежевики, и коршуны над этим помещьем летают, и жарко, и пахнет сухой травой.

Наконец-то встретили лысого орла! С семьею. Лысый сидел на дубу и всех имел в виду, а сам кабан ужасный. Причем впоследствии он оказался орлицей, а клюв у ней желтый и страшный, как тесак. А под тетей этой носатой гнездо помещалось, размером с трансформаторную будку во время взрыва, и там сидел орлиный щенок со своим шанцевым инструментом, и чего-то внимательно лопал. Щенок тоже лось, килограммов на семь затянет. Сам черный, и лапы как у динозавра, ребенок совсем, трех месяцев нету. А потом и папа ихний прилетел, в пальтишке таком небогатом, и сел тоже следить, как дите кушает. А мамка пока по округе секла.

Я это все к чему: дедушка Франклин, который лысого в государственные символы определил, он ведь послом был, в Париже. Без пяти минут президент, основоположник и водитель народов, а сам ни одной юбки не пропустит, два банкротства, ветер в кармане и челюсть деревянная. Весь в долгах помер, и ничего, отец нации. Причем орла постоянно осуждал, за безнравственные поступки с лососями. Это все, мне кажется, хорошее нам предвещает. Самое главное это военную тайну соблюдать: ничего не брать в голову.

А объявление то про сто бакс сняли уже, вот как. Хотя зайчик по-прежнему захаживает. Розовый такой, цвета забора весенним утром.